

П. Н. САВИЦКИЙ

Газета «Евразия» не есть евразийский орган

<...> Газете «Евразия» чуждо представление о евразийстве как о цельной и в основных чертах *последовательной* системе. Отдельные положения представляются разрозненными, неизвестно почему привлеченными, противоречащими друг другу. В составе разнородных положений находим и пропаганду идей Н. Ф. Федорова. Можно приветствовать ознакомление с идеями этого интересного мыслителя. В газете «Евразия» ознакомление это ведется в тонах «федоровского сектантства». Это обстоятельство и побудило, вероятно, Н. С. Трубецкого назвать «федоровство» в числе тех учений, «не имеющих ничего общего с евразийством», которые отражает газета «Евразия». — Федоровство проповедуется в ряде «руководящих» статей газеты. Примечательно, что именно федоровство никак не совместимо с тем «дуализмом» религии и «политики», или иначе — «первично религиозным дуализмом», который утверждается в других «руководящих» же статьях газеты (см. выше)¹. Ведь именно федоровство утверждает религиозный смысл всякого социального и даже технического деланья; чрез это делание оно думает указать путь к воскрешению мертвых. Об отделении «области собственно религиозной и церковной жизни... от проблем и потребностей социально-политической жизни» здесь просто не может быть и речи. Одновременное утверждение пресловутого «дуализма» и федоровского «общего дела» — это один из примеров той логической и теоретической беспомощности, в которой пребывает газета «Евразия». Другой подобный пример — это попытка сочетать апологию марксизма с каким-то (хотя бы и невразумительным) признанием религиозного начала.

Возвращаемся к вопросу о «федоровстве». Для того чтобы православным евразийцам были ясны основы собственного их «мироделанья», — небесполезно подвергнуть критике те «федоровские» воззрения, которым дается место в газете «Евразия». В этом смысле особенно характерны «письма из России», помещенные в № 3-ем

«Евразии»². Они снабжены «поощрительным» примечанием от редакции. Прежде всего, нужно сказать, что православному евразийцу существенно чужд тот оттенок «хилиазма» или мысль об окончательном и последнем разрешении всех проблем еще в пределах земного существования, которое сказывается в названных письмах. «Самое существенное сейчас найти и дать эту стягивающую все стремления точку. И не тактическую только, какой является мысль о социальной революции и т. п., а окончательную и последнюю» (письмо первое). Евразийцы знают, что в пределах земной жизни такая «окончательная и последняя» точка не может быть найдена. Тем больший смысл для православного сознания приобретает уверенность, что бытие не ограничивается рамками *земного* существования. Если вспомнить, какое огромное *религиозное* содержание связано с этими вопросами, — странным и даже кощунственным покажется делаемое в том же письме обращение к коммунистической власти с настоянием «наметить разрешение последних и окончательных проблем». — Двусмысленно понятие «диктатуры спасения», выдвинутое в письме втором. Спасение кого? — душ? и какими средствами? — внешнего принуждения и «большого строительства»?³ — Если так, то православная евразийская мысль должна решительно указать на несообразность этой концепции. Самое представление о «диктатуре» противоречит христианскому пониманию *спасения*. Ибо здесь не может быть внешнего принуждения, на которое указывает «диктатура». И внешнее делание является выражением и следствием *деланья внутреннего*. — Не меньшие сомнения возбуждает письмо третье. «Я всегда помню слова Николая Федоровича, который говорил, что вражда против христианства есть “недоразумение”, что христианство — общее всех, *в том числе и атеистов*, дело, и надо думать, что вдумчивые и искренние атеисты лучше всех этих блудливых и слюноточивых мистиков и всяких любителей тайны, пугающихся собственной темноты». Как бы ни относиться к «блудливым и слюноточивым мистикам», приходится признать, что эти слова не дают и отдаленного представления о силе и реальности злого начала в мире. Наоборот, в них видно стремление ступевать грани между Добром и злом, представить существующее в виде не поддающегося анализу месива. Это, впрочем, отвечает общему характеру газеты «Евразия». — И то, что упомянутые «письма из России» появились в газете без оговорки о несогласиях, лишний раз доказывает, что газета «Евразия» не есть евразийский орган. Ибо евразийству неискоренимо присуще ощущение реальности злого начала в мире. <...>

